

ЮТА ТЕШ

ПОЦЕЛОВАТЬ

НЕБЕСА

ЮТА ТЕН

**Поцеловать
небеса**

ISBN 978-80-87940-20-4

**SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2014**

Содержание

Часть 1. Голгофа милосердная

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

Глава 25

Глава 26

Глава 27

Глава 28

Глава 29

Глава 30

Глава 31

Глава 32

Глава 33

Глава 34

Глава 35

Глава 36

Глава 37

Глава 38

Глава 39

Глава 40

Глава 41

Глава 42

Глава 43

Глава 44

Глава 45

Глава 46

Глава 47

Часть 2. В геометрической прогрессии

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

Глава 25

Глава 26

Глава 27

Глава 28

Глава 29

Глава 30

Глава 31

Глава 32

Глава 33

Глава 34

Глава 35

Глава 36

Глава 37

Глава 38

Глава 39

Глава 40

Глава 41

Глава 42

Глава 43

Глава 44

Глава 45

Часть 1. Голгофа милосердная

Благодарю автора, пожелавшего остаться неизвестным, за предоставленный материал.

Несколько лет назад я получила по почте толстый конверт с мелко исписанными желтыми листами. К ним была приложена краткая записка: «Я знаю, что Вы лучше меня распорядитесь этим. В этом вся моя жизнь».

Я никогда не слышала, чтобы она жаловалась. И на вопросы дней идущих, что рубят с плеча, рассекают воздух со свистом, она всегда находила ответ.

Она и Жизнь – без устали дерзили друг другу.

Я знала ее очень давно...

Прочитав ее труд от начала и до конца, я приняла решение оформить его и с согласия автора предать гласности, потому как история эта показалась мне в своем роде уникальной.

Глава 1

Это надо пережить, осмыслить, ощутить, выстрадать, чтобы потом сказать: «Нет ничего ужаснее, чем человек без Родины, без отчего дома, один на один с судьбой, без поддержки и без будущего...»

Седой корейский лама осторожно взял мою руку, повернул ладонью к себе. Я поспешно сжала кулак, тихо спросила: «Может не надо?» «Отчего?» – хрипло удивился он.

Я разомкнула пальцы, он в долгой задумчивости смотрел на причудливые узоры... Закрыв глаза, вздохнул.

«Ну, и?...» – тихо спросила я.

«М-да... Трудно... Но все будет хорошо», – неуверенно прошептал он, и его ответный взгляд наполнился испугом.

Я родилась у женщины, имеющей смутное представление о детях. Родилась не как все, а ногами вперед, как будто только что умерла в другом, параллельном мире. С этого момента и началась моя необыкновенная, непредсказуемая жизнь, похожая на придуманный кем-то роман.

Все мое далекое детство прошло в среднеазиатских степях. Родители-геологи, люди выпивающие, непритязательные к быту и жизненным условиям, часто переезжали с места на место, каждое

из которых мало чем отличалось от предыдущего. Я меняла школы, друзей, привычки, менталитет и мировоззрение так же легко и постоянно, как деревья меняют свою листву. И все, что я вынесла из детства – это оглушительное ощущение свободы и простора, которые таит в себе бескрайняя горячая степь, память о широте и мудрости гостеприимного азиатского народа. Свернув воспоминания цветным платочком, я положила их в самый потаенный карман разума. Там осталась моя Родина, до сих пор мне снятся холмы, усеянные тюльпанами, бесконечные отары овец, наши геологические домики с обрывками цивилизации, далекие школьные друзья, дети таких же геологов, как мои мама и папа. Снятся школьные классы с промерзлыми окнами и печным отоплением, лютые степные зимы и жуткие воющие ветры, долетающие с Байконура после запуска очередной космической ракеты.

Я быстро выросла и стала крепким закаленным подростком. Все эти сказки про ужасную урановую экологию степей Азии так и остались сказками. Я стала симпатичной длинноногой и абсолютно здоровой девицей, всегда первой в классе, радостью для родителей, которые к тому времени уже окончательно развелись.

Из зеркала на меня всегда смотрели ясные, голубовато-зеленые глаза, оттуда же улыбались пухлые смешные губки, слегка дразнился курносый носик. Медленно растущие, русые волосы никак не могли перейти отметку «ниже лопаток», что невероятно злило меня и часто портило настроение.

К концу десятого года обучения я смело покуривала в школьных туалетах и опробовала несколько видов крепких спиртных напитков на дружеских вечеринках.

Но, в общем, жила без большого греха. Мною была прилежно прочитана вся домашняя библиотека, собранная мамой в ажиотажном пылу погони за книжной модой. Это были лучшие мастера мировой литературы. Классики! Боги! Мои единственные признанные учителя. Внезапно я начала писать сама. Моими школьными сочинениями с упоением зачитывалась классная руководительница, она делала это напоказ, перед всеми учениками, что откровенно смущало меня... Вся моя личная писанина сводилась к небольшим

стихам и коротким рассказикам. Я научилась видеть мир по-другому, изнутри, что отдалило меня от сверстников и, наверное, отдаляет до сих пор.

Родители наградили меня не только прекрасной внешностью, но и бунтарским характером, за которым укрывалось ранимое нежное сердце. Первая любовь, выпускной бал, попытки получить высшее образование – все было провалено с треском! Тогда же, на первой попытке взлета, я заклеила себя полной неудачницей и пошла по собственным университетам, еще не догадываясь, что побег от себя невозможен. Я рано познакомилась с деньгами, потому что жила с ними в одной квартире. Но в степи их не на что было тратить, и они не имели там такого значения, как в большом и искушенном тратами городе.

Самым светлым пятном из прошлого остался в памяти брак с достойным человеком, любившим меня три года, и наше с ним творение – дочь Машка, маленький, пухлый пупсик, который слишком быстро превратился в красивую девушку, мою подлинную радость в этой жизни. Ни она, ни я не могли себе даже представить всей гениальности и всего безумия того детективного сюжета, который предложит нам судьба, и в котором нам придется участвовать вместе, рука об руку, много-много лет...

После болезненного разрыва с мужем мы переехали в Ташкент, где у моих родителей была большая запущенная квартира в самом центре города. Из-за периодического отсутствия матери и отца жилье пришло в полный упадок, а учитывая их собственное состояние развода, жизнь там стала совершенно невыносимой... Город напугал меня. Это сейчас Ташкент – далекая граница. А раньше это была главная восточная столица великого Советского Союза. Туда съезжались короли бизнеса со своими королевами. «Город богатых мужчин и красивых женщин», – так говорили про Ташкент. И посреди всей этой роскоши я с ребенком на руках была не просто напугана – я была обезглавлена.

Город постоянно требовал денег. Я не представляла, как буду жить здесь. Ведь я по-прежнему хотела быть только первой! И после недолгих раздумий, мною был выбран путь наибольшего сопротивления.

Год одна тысяча девятьсот девяносто второй... Большой бизнес только поднимал голову, а знание английского языка оценивалось на вес золота. Я продала свой любимый, большущий дорогой перстень с ярким, сочным рубином, и отправилась учиться на экспресс-курсы переводчиков. Не прошло и полгода, как я успешно сдала и теорию, и практику по всем предметам, включая искусство обольщения. Но это не значило бы ничего, если бы тогда же мне сказочно не повезло с работой. Еще одно светлое пятно из прошлого...

Мой шеф, Олег, сорокапятилетний седоватый предприниматель, кореец по национальности, а в жизни – просто большой умница сразу разглядел мою потаенную суть. Его привлекли и врожденная преданность, и знания, и моя болезненная потребность старательно выполнять должностные обязанности. Он высоко оценил мою работоспособность и сделал из меня настоящего профессионала. Я стала его заместителем по всем скучным, на его взгляд, вопросам, включая переговоры с иностранцами. Благодаря его бизнесу, вскоре, меня знал уже весь город. Я разъезжала на служебном «Форде», курила дорогие сигареты и одевалась в элитных, еще только появившихся, так называемых «комках».

Правда, здесь было одно большое «но». Теперь мне приходилось много работать, и я почти не видела свою любимую доченьку. Мы очень скучали друг без друга, до боли, до слез! Она росла диким полевым цветочком в обстановке, оставлявшей желать лучшего. Мать неудержимо сетовала на трудности, связанные с «домашними хлопотами» и с Машей. И в каждом нашем разговоре на повышенных тонах, где-то между строк маминых вибрирующих реплик, я явственно читала ее беспредельную зависть к моим нарастающим материальным благам...

Мама уже тогда в одиночку начала попивать недорогое марочное сухое вино, в основном за мой счет. Возвращаясь поздними вечерами, я, почти всегда, видела одну и ту же бездарную картину руки неизвестного мастера: поддатая мама, а рядом с ней моя доченька в колготках, повисших на коленках и в грязном халатике. Мама немедленно-услужливо предлагала мне холодного пойла, чтобы, тем самым, уравнивать наше с ней мировоззрение. И в те же далекие годы я начала иногда соглашаться на эти,

сомнительной выгоды, предложения. Огромная видимая разница между моим жилищем и офисом, откуда я только что пришла, не давала мне уже ни спать, ни, собственно, жить.

Глава 2

Я упрямо шла вперед. Казалось, никто и ничто не смогли бы остановить меня на этом пути. И вот, однажды, после проведения очередных успешных переговоров с англо-говорящими французами на уровне Министерства Иностранных Дел, совершенно неожиданно, на мой рабочий стол легла премия, выраженная в зеленых стодолларовых купюрах. Очень большая премия, та, о которой я даже не смела мечтать...

– Я знаю, что у тебя проблемы с квартирой. Купи ее! – тихо сказал мне шеф, – Ты это заслужила.

– Уфф..., – только и прошептала я.

Прознав про мою царскую премию, мама быстро сообразила, что теперь она может получить не только свободу от внучки, но и продать квартиру, разделить деньги с отцом. А дальше...просто уехать в Россию, куда медленной рекой потекли вся и все. Чтобы устроиться в России ей были нужны серьезные деньги. Мама сноровисто подыскала мне вариант другого жилья, цена которого соответствовала полученной мною премии. Рожденная в Китае, в русской семье посольского водителя, она обладала непобедимым, неоправданным оптимизмом этого жилистого народа.

Далее, без особых церемоний, она выкрала мой паспорт и за умеренную взятку выписала меня из отчего дома вместе с внучкой, чтобы мы ни в коем случае не помешали при продаже, оформлении документов и дележе средств...

И все бы ничего. Но эту большую, престижную квартиру папа и мама получили когда-то только потому, что у них родилась дочь. То есть я.

Ничуть не печалась о нашей судьбе, родители мирно разделили деньги, согласно причитающимся им метрам. Мама, конечно, получила больше, ведь мы занимали там целый зал!

А вот успех этого мероприятия маму угораздило отпраздновать именно со мной. Она не сказала прости, или на худой конец – спасибо.

Двести долларов – это все, что осталось после нее... Нет, я не обиделась. Я просто запомнила. В результате этого «мирного» сотрясения воздуха, всего через три с небольшим недели, мы с дочкой уже занимали собственную двухкомнатную квартиру с огромным балконом, на четвертом этаже. Повсюду, куда хватало глаз, царил хаос переезда. Ах, как мы были тогда счастливы вопреки всему!

Ситуация резко пошатнулась, когда из Ташкента хлынула первая серьезная волна эмигрантов. Вместе с ними стали собираться и мои коллеги – евреи Вениамин и Саша. Заметно нервничал Олег, потому что правительство перекрыло многие каналы по внешним экономическим связям и заморозило его валютные банковские счета. Мы сидели, словно на пороховой бочке и было уже понятно, что былого величия Фирма не обретет никогда. Олег поглядывал в сторону Канады. Остальные – кто куда. Мои услуги становились все менее востребованными. От злости меня подмывало язвить и канючить. Но никто не обращал на меня внимания. В один из особо никчемных дней, неожиданно для всех и для себя самой я ушла из Фирмы, не вдаваясь в долгие объяснения, даже не получив расчета и последнего дружеского «Прощай!» Ушла в никуда... Я не захотела ждать, когда корабль окончательно потонет и раздавит меня.

К этому времени, мама уехала в Россию. А именно, в город Воронеж.

А мне все хотелось верить, что это кажется или снится. Кажется, что нет рядом непутевой мамы, нет работы, зарплаты, друзей. Кажется, что я спиваюсь и падаю в черную пропасть, из которой с таким трудом выбиралась на свет... Снится эта огромная пустеющая квартира и жалкие остатки средств на банковском счету. Мучительно-реальным оставалось только лицо моей дочери, которая совсем недавно отправилась в первый класс. И от моей тоски, и от моей подавленности, лицо это выражало недетское, нечеловеческое страдание. Я смотрела в ее любимые глаза до головокружения, до болезненных спазмов в висках и судорожно искала выход обратно, вверх. Ташкент угрюмо молчал. Пустели квартиры, уезжали люди. Чужие, свои, разные. Последняя из подруг, улетев в Израиль,

словно нанесла травму, несовместимую с жизнью. Кульминацией происходящего стал новый закон, который требовал обязательного изучения узбекского языка при любом трудоустройстве... В то время я уже стабильно пила, по поводу и без. Деньги постепенно обретали иной, важный смысл. Их теперь требовалось совсем немного – только на еду и выпивку. Но и эта сумма вскоре оказалась для меня проблематичной. В моей квартире было полно всякой всячины. Продавая вещь за вещь, я прожила безбедно еще полгода. Попытка торговли на рынке в качестве предпринимателя закончилась для меня полным провалом. А лифчики и трусы с последнего закупа до сих пор лежат где-то в коробке, в дальнем пыльном углу...

Найти любую работу было чрезвычайно сложно. Я пила все больше, прекрасно понимая, что совершаю ужасную глупость. Я была из серии стыдливых алкоголиков, которые пьют втихаря, тайно надеясь, что никто этого вовсе не замечает. И от этого стыда за вчерашнее – наутро становилось хуже вдвойне, правда лишь до первой или второй рюмки, услужливо поднесенной сердобольным кем-то ... В тот же период я внезапно обзавелась молодым мужем Андреем, который и помог мне продержаться на плаву еще несколько месяцев.

Совість прогрызла во мне черную дыру, страшный Бермудский треугольник! И, запутавшись в мыслях, делах, проходимцах, окруживших меня плотным кольцом, я решила уехать, уехать к маме, еще не зная тогда, насколько остро и больно ударит меня квартирный вопрос в холодной, безжалостной России. Он станет краеугольным камнем всех моих будущих проблем, уже стоящих на пороге.

Это надо пережить, осмыслить, ощутить, выстрадать, понять, чтобы потом сказать: «Нет ничего ужаснее, чем человек без Родины, без отчего дома, один на один с судьбой, без поддержки и без будущего...»

Глава 3

Горюшко ты мое, горе...

...Квартира была продана моментально. Три шустрых посредника, один из которых оказался расторопнее остальных, хаотично приводили массу клиентов, и сделка в итоге состоялась. После

небольших коридорных разборок посредник отбил свою сумму у покупателя и был таков.

Я снова держала в руках конверт с пачкой банкнот, данных мне когда-то шефом, но умноженных на три и не чувствовала себя богатым человеком. Протрезвевшей головой я понимала, что это последнее, что у меня есть и вряд ли еще когда-то будет...

На наши полувоенные сборы из России приехала мама, как старший консультант по выезду, и мы начали свой долгий мрачный этап восхождения на Голгофу... Купюры из конверта, полученные за квартиру, начали таять в тот же вечер. Для начала, мы с мамой «обмыли» событие, но не второпях, как раньше, а с чувством, со смыслом и даже с тостами. Стол изобиливал продуктами, напитками и сладостями для моей малышки, чего мы давно не могли себе позволить. Мы впускали подошедшую вплотную проблему широко, по-царски, распахнув ей свои объятия и все лабиринты запутавшихся душ.

С каждой выпитой рюмкой я ощущала, что глобальность проблемы сильно преувеличена, а сам переезд превращается в некую мирную, добровольную затею. Машка аппетитно прищмокивала пухлыми губами, старательно поедала шоколад, я мешала водку с шампанским под звуки избранных баллад «Скорпионс», мамуля почти дремала в кресле, перегруженная спиртным и мясом.

Наутро мы все чинно восседали на таможне перед мордатым узбеком и пытались заказать контейнер, который, возможно, и доедет до России через один-два месяца. Было такое ощущение, что его отправляли в путь пешком.

По важности и молчаливости этот момент можно соотнести лишь с моментом получения упомянутого контейнера через тридцать пять дней на одной из промежуточных грузовых станций города Воронеж.

В итоге переговоров двести долларов и сто сверху ушло на прочный железный ящик, способный вместить пять тонн моего нажитого имущества.

Вообще, я человек аккуратный, и любое дело, благое и не очень, я стараюсь выполнять с особым, болезненным педантизмом. Вот

почему, мы, обреченно-тщательно, упаковали все вещи коробочка к коробочке, шкафчик к креслу, тумбочку к дивану и с большим трудом упорядочили все это в поданный прямо к подъезду контейнер. Каково же было мое неподдельное удивление, когда на таможенной станции, перед тем, как опечатать двери железного ящика, его вновь открыли и начали выгружать содержимое обратно, прямо на платформу, под лапы таможенных собак... Это был тот самый первый раз, когда я заплакала на пути в далекую Россию. Справные молодцы взрезали ножами веревки и скотч на коробках, упрямо выискивали оружие, или, на худой конец, наркотики. Они грубо переворачивали книги и вещи, часть которых падала на грязный бетон. И вот, когда я увидела дочкины бусики, порванные и беззащитно разлетевшиеся по платформе под сапоги алчных таможенных офицеров, я прокляла ту страну, где прошло все мое детство и часть сознательной взрослой жизни. Я поняла, что больше никогда не вернусь туда, не увижу легкое, волшебное марево теплого ташкентского утра, даже если эта страна окажется единственной на карте Мира.

По дороге в пустой дом, где нам оставалось провести последнюю ночь на оставленном, старом, никому не нужном диване, я уже не плакала. Мои глаза заволокло пеленой страха перед неизбежностью чего-то, неизвестного нам... Мы вновь выпили вина, но это уже больше походило на поминки сразу после похорон. Никого и ничего не было вокруг, лишь безжалостный, бесконечный космос мерцал в распахнутые окна холодными яркими звездами.

У нас была собака, большой доберман, которого мы тоже повезли с собой, ибо собака эта являлась частью нашей семьи. Так поступали многие вынужденные переселенцы, ведь у каждого второго обязательно существовал домашний питомец. Я аккуратно оформила все псы справки и документы, купила билеты и намордник, но при входе в вагон, когда я уже занесла ногу над высокой подножкой, над моим ухом раздалось безжалостно-дразнящее:

– С собакой нельзя! – в исполнении двух проводников узбека и узбечки, видимо, мужа и жены.

Они смотрели на меня с таким равнодушием, что от страха не попасть на этот поезд, волосы зашевелились на моей голове.

Стоимость проводников я мгновенно определила в двадцать долларов, которые они с любовью сунули в грязный карман. После чего «с собакой» сразу стало можно.

Мы заранее выкупили четыре спальных места, полное купе, чтобы никому не мешать своим табором. Когда мы разместились, мама выбежала на темный перрон за запасами воды и сигарет. Внезапно дверь купе отворилась, и мы увидели новое действующее лицо узбекской национальности, представившееся таможенником.

– Чья собака? – глупо спросил он.

– У меня есть билет и справки, – пролепетала я, уже понимая, что сарафанное радио разнесло слух о моей сказочной щедрости.

– Или ты даешь мне сейчас сто баксов, или я выброшу твои вещи на улицу, будешь тут сидеть до завтра, пока проверят все документы!

Он шутил! Он не имел права! Он блефовал!

Мы смотрели на него втроем беспомощные и жалкие, нищие переселенцы, покидающие территорию своей и его родины не по нашей вине. Собака, привязанная под столиком, приглушенно рычала, но таможенник даже не догадывался, на что она была способна, сделав ставку на хлипкий кожаный поводок. Дочурка порывисто вздохнула и перевела взгляд на меня.

– У меня мама на перроне, все деньги у нее, – ответила я, пытаюсь спасти ситуацию.

– Не п..... Давай деньги!

И я отдала ему сто долларов, самую мелкую свою купюру, чтобы больше никогда не видеть ни его, ни его земляков, ни этого тупого безразличия в глазах. Я была не просто напугана, это была уже паника. Он моментально исчез, а вернувшаяся через минуту мама закатила мне такую истерику, что я поняла – я не того боялась. Меня бессовестно надули первый раз в жизни! «Продавшие» меня проводники, узнав об этой истории, так искренне смеялись, что я снова заплакала, уткнувшись лицом в холку любимой собаки. Далее. С точки зрения все тех же проводников, одно выкупленное пустое место в нашем купе смотрелось неестественно глупо при полном отсутствии билетов в железнодорожных кассах. Оно буквально мешало им думать о чем-то другом, и в результате упорной словесной перепалки к нам был подсажен некто пятый в вонючих

носках, которые свисали с верхней полки больше половины пути. Этот некто обогатил проводников еще на полтинник. Таким образом, мы стали самыми прибыльными пассажирами в вагоне...

Глава 4

Трое с половиной суток сорокаградусного качающегося ада... И я уже не понимала – кто мы и зачем мы здесь? Пот и слезы моей дочки смешивались в одно целое на чумазой мордашке. Измученный взгляд преданной собаки, привязанной под столиком, напоминал мой собственный. Собака не ела и не пила на протяжении всего пути, чем довела меня до безмолвного отчаяния. Я одеревенела.

Мама хаотично металась по вагону и по всему поезду, пытаясь решить хоть что-то с едой или питьем для всех нас. Она выпрыгивала на больших станциях в погоне за арбузами или пирожками, и мне все время казалось, что она непременно отстанет от поезда, а мы останемся совершенно одни в этой грязной бурлящей клоаке торгашей и подозрительного вида бродяг. Поезд уже начинал плавное движение, а я, не мигая, смотрела в сторону тамбура из полуоткрытой двери купе, но после того, как надежда моя умирала, мама всегда появлялась, шла бодрой, покачивающейся, моряцкой походкой, весело размахивая своей добычей.

Но главным в поезде являлась не еда, а безопасность. В хлипкие двери нашего купе постоянно вламывались какие-то люди, но собака яростно пресекала все чужеродные попытки. Без нее мы вряд ли бы доехали до пункта Б без ощутимых потерь.

Я уже не могла сидеть, не могла стоять, не могла взять на руки дочь, потому что сорокаградусная жара не позволяла сделать этого. Мы мочили серые вагонные простыни в теплой затхлой воде, взятой у проводников, и без конца вытирали друг другу тела. Я не могла даже выйти покурить, потому что на первом же перекуре ко мне привязался неблагоприятный узбек с весьма откровенным предложением и, получив такой же откровенный отказ, пообещал немедленно скинуть меня с поезда. Снова выручила верная собака, вышедшая покурить вместе со мной... А скинуть с поезда было действительно крайне просто – оконных стекол в тамбуре не было.

К завершению третьих суток никто из нас не хотел жить. Но за все

«было уплачено», и мы продолжали двигаться к намеченной цели... Четверо пилигримов, четыре песчинки в огромной человеческой пустыне... А поезд все шел...

До переезда в Россию и после него – это две отдельные половины одной не придуманной жизни. Здесь изменились все мои ценности и я была вынуждена принять правила навязанной игры.

И первое же правило ошеломило меня... Люди здесь измерялись наличием обязательных квадратных метров жилой площади на душу населения. Люди дрались за это всю свою жизнь. Приобретенное возводилось в разряд культа, никому не отдавалось до самой смерти и хранилось сто лет. Только при наличии этого меня могли бы принять здесь за нормального человека. Второе правило гласило – прописка...

Выросшая на ровной ниве советского пространства, где каждый получал квартиру в порядке недолгой живой очереди, я не могла осмыслить такого ажиотажа. Глупая, наивная, открытая всем ветрам и ударам судьбы я сошла на платформу воронежского вокзала, и затхлый ночной чужой воздух неприятно резанул ноздри.

Мамина квартира, которую она снимала в Воронеже, оказалась слишком мала для четверых переселенцев, а сам город – неприветливым и дорогим. Поначалу, мы строили планы о переезде на другую, менее тесную квартиру, отстаивали длинные очереди в миграционной службе, выслушивали толки о трудном российском житье-бытье от земляков, встреченных там же. Мы устали сразу и друг от друга, и от непонимания всего, происходящего вокруг. Мы осознали, что мы здесь попросту чужие и никогда, никогда они не примут нас за своих... Только такие отчаянные женщины, как мама и я, могли рискнуть в одиночку отправиться в другую страну на поиск призрачного счастья. Но нас нельзя было напугать. Нас можно было только убить.

После огромного сытого Ташкента вся Россия показалась нам скопищем маленьких, разбросанных тут и там, государств в государстве. От отчаяния мы решили уехать. Здесь же, неподалеку – несколько часов на перекладных в сторону затерянного районного центра. И все по одной очень веской, на мой взгляд, причине...

Дело в том, что в далеком прошлом, еще не расставшись с мужем

и будучи беспечно молодой, я неосторожно имела связь с его лучшим другом, Олегом. Таким гениально-простым способом я «отблагодарила» мужа за его измены.

Этот далекий, слегка запылившийся, треугольник с годами не совсем распался. Муж, Юра, уехал в Ульяновск вместе с женой того самого Олега, сам Олег проживал в Н, куда мы теперь наметились переезжать. По иронии судьбы, Воронеж отстоял всего в ста километрах от Н и в нескольких сотнях верст от любимого когда-то мужа Юрки.

Тогда, давным-давно, Олег очень любил меня и даже оставил ради этого жену с двумя детьми, которую вертко подобрал мой бывший муж Юра... В итоге я не выбрала никого, остальные участники событий были унесены ветром, как им думалось: подальше от меня. Но теперь-то я была рядом! И, безусловно, я очень хотела их видеть. Ну, хотя бы кого-то одного. Стоит лишь добавить, какое сильное впечатление осталось у меня от тех событий, если я поехала навстречу неизвестности с наивно распахнутой одинокой душой! Ведь за все эти годы мы не обменялись ни единой строчкой! Год одна тысяча девятьсот девяносто шестой: пока еще нет Интернета, социальных сетей, сотовой связи...

Дура! Трижды дура...Но, иначе это была бы не я!

Глава 5

Да, вот он – Олег.

Высокий спортсмен, бритый наголо с безумно красивым телом и глазами. Все тот же Олег, идущий по жизни на контрасте силы и нежности. Он пожалеет меня, прижмет к себе! Всю, как есть, со всеми моими бедами и печалью. Примет, обнимет, закроет ото всех своей широкой спиной, и в моей жизни наступят, наконец, мир и покой. К финалу своих размышлений я додумалась уже до того, что он преданно ждет меня все эти годы (более пяти лет) и, увидев, обрадуется мне несказанно. Задумано – сделано.

Я отправила маму в быструю командировку до города Н. и обратно. Мама тогда была еще веселой и легкой на подъем... Тем же вечером, перед нами на столе лежал краткий и беспроектный план переезда. Мама привезла несколько адресов квартир, сдаваемых по

вполне приемлемым ценам. Нам осталось лишь получить контейнер на пригородной станции и двигаться дальше – в Н.

Я хорошо помню, что в тот период меня абсолютно не интересовало наше будущее. Я буквально принималась к новой России, ибо она совершенно не походила на прежнюю, в которой я когда-то училась. Легко выстраивались планы, легко рушились. Деньги, привезенные мной, здесь совсем не были деньгами. Они незаметно таяли из конверта, делая его все более невесомым, а я даже не трудилась их пересчитывать. Мне было настолько все равно, что сейчас я ужасаюсь тому своему состоянию. Я была то ли всегда пьяна, то ли беспричинно счастлива, то ли тихо помешана от такого поворота событий.

Мне не нравилась та правда, что я растеряна и абсолютно сбита с толку. Моя бравада и весь внешний антураж лишь скрывали животный панический страх перед неизвестностью. Я точно знала, что денег остается мало, и даже примерно знала, когда они совершенно закончатся. Для этого их не требовалось пересчитывать. Но я не хотела думать об этом.

Мы ждали контейнер, нам больше некуда было торопиться, ибо мы были на месте. Мама оформляла свой официальный перевод по работе из Воронежа в Н., чтобы не остаться там на произволе судьбы.

Я спокойно-осознанно понимала, что еще долго не найду в России ни своего места, ни работы, ни новых друзей. Еще долго я не смогу обрести собственной крыши над головой и, наконец, счастья. Мне оставалось только наблюдать, делать или не делать выводов, искать ответы на поставленные вопросы и не находить ничего. Только зияющая черная пустота вместо дороги в будущее. Мне оставалось лишь горько пить, бояться протрезветь и вновь натолкнуться на груды проблем, решать которые я попросту не хотела. Моя внутренняя сила словно уснула во мне до рассвета, а рассвет все медлил со своим приходом. И даже Олег, к которому я так стремилась, был нужен мне вовсе не для совместного счастья, а для рывка, как призыв к действию, а проще – судьбоносный пинок.

Жизнь должна иметь веские основания... Из таковых у меня была только дочь.